

état ‘государство’: *autorité souveraine s'exerçant sur l'ensemble d'un peuple et d'un territoire déterminés*. Толкование появляется в одинаковой формулировке всякий раз, когда употребляется тот или иной термин.

Тексты Ле Пти Либе представляют собой стратегически важный материал с точки зрения их использования для изучения французского языка как иностранного: кроме лексической избирательности их отличают адаптированные фразовые конструкции. Авторы избегают информационно и стилистически перегруженных фраз, в большинстве случаев они достаточно короткие и всегда недвусмысленные, по крайней мере, для детского понимания: *«Martine, 58 ans, a un rôle important : elle veille à ce que le pays reçoive bien l'argent qu'on est censé lui donner. Cet argent, ce sont les impôts. Ils sont versés à un organisme appelé le Trésor public. «A l'époque, le roi avait un trésor. Aujourd'hui, ce trésor c'est celui de l'Etat, c'est-à-dire de tous les citoyens», explique Martine, qui travaille à la direction générale des finances publiques, à Paris»* ‘Мартине 58 лет, и она выполняет важную функцию – следит за тем, чтобы страна получала деньги, которые ей причитаются. Эти деньги – налоги. Их перечисляют в специальное учреждение – Государственное казначейство. «Раньше у короля была казна. Сегодня эта казна принадлежит государству, то есть всем гражданам, – объясняет Мартина, сотрудник Главного финансового управления». Безусловно, и французским детям и взрослым, изучающим французский язык как иностранный, полезно знать, какие государственные учреждения курируют налоговую сферу.

Использование таких текстов в дидактических целях может существенно улучшить содержание подготовки начинающих изучать французский язык.

Т. Н. Чельцова, Т. В. Бруева

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗООМОРФИЗМОВ (на материале французского и русского языков)

Система образных представлений, сложившаяся у национально-языковых коллективов, говорящих на русском и французском языках, имеет немало общего, особенно в той своей части, которая связана с образами животных и представлена зооморфными характеристиками. Названия животных в большинстве языков мира широко используются для образной характеристики человека. При помощи *зооморфизмов* носители индоевропейских языков высмеивают глупость, упрямство, лицемерие, дурные привычки, невоспитанность и другие моральные и интеллектуальные изъяны человека, вызывающие осуждение. Образы животных могут использоваться и с положительной экспрессией, когда речь идет о преданности ловкости и ряда физических качеств.

Среди многочисленных зооморфных характеристик в рассматриваемых языках встречаются такие, которые совпадают между собой как в прямом, так и в переносном значении. Наблюдения за их употреблением позволяют уловить некоторые оттенки, различающие их образные значения, но эти

оттенки не настолько велики, чтобы помешать лексическим единицам быть хорошими переводными эквивалентами друг для друга. Таковы, например, слова *âne* и *осел*, обозначающие глупого и упрямого человека, *renard* и *лиса*, символизирующие хитреца, *cochon* и *свинья*, представляющие человека как грязнулю, физически и морально нечистоплотного, негодяя. Слова *dindon* и *индюк* обозначают человека тщеславного, важного и надменного. Очень близкое к этому значение имеют также слова *raon* и *навлин* – горделивый, важный, надменный. Слова *agneau* и *ягненок* символизируют человека кроткого, безответного; *taureau* и *boeuf*, как и русское слово *бык*, характеризуют физически очень сильного человека: *doux comme un agneau* – ‘кроткий как ягненок’; *fort comme un boeuf* – ‘сильный как бык’; *agir comme un cochon* – ‘поступать по-свински’.

Наряду с характеристиками, совпадающими полностью или частично, в обоих языках обнаруживается немало таких, которые семантически далеки друг от друга, хотя в их основе и лежит представление об одном и том же животном. Так например, значение слова *coq* – ‘петух’ (разумеется, с некоторым искажением) можно передать русскими существительными *навлин* и *индюк*. Во французском языке их эквиваленты – *raon* и *dindon* – имеют подобный смысл (гордый, высокомерный человек) и *coq* на этом фоне выражает специфический оттенок, который по-русски передать трудно. *Ours* (‘медведь’) по-французски – человек, который избегает общества. По-русски *медведь* – вовсе не нелюдим, а крупный, «неуклюжий», косолапый человек. В составе сравнений признак ‘неуклюжий’ устойчиво связан как с русским *медведь*, так и с французским *ours*, но за рамками сравнения, в функции характеристики французское слово этого значения не выражает. Таким образом, характеристика *ours* семантически сближается в русском не с медведем, а с бирюком.

Русское слово *крыса* нередко употребляется для характеристики человека мерзкого, отвратительного, хотя отрицательные качества его не конкретизируются. Французское слово *rat* с тем же прямым значением тоже имеет зафиксированное словарями переносное значение отрицательное, но совершенно конкретное, обозначающее скупого человека, скрягу: *avare comme un rat* (‘скупой как крыса’). Следовательно, эти слова в их экспрессивном, характеристическом значении переводными эквивалентами друг для друга быть не могут. В то же время в обоих рассматриваемых языках существительное *крыса* (*rat*) может выступать в сравнениях как эталон нищеты: *pauvre comme un rat d'église* – ‘бедный как церковная крыса’.

Однако не всегда семантические сферы, поля, регулярно запечатлеваемые в языке с помощью сравнений, в разных языках совпадают. В русском языке часто характеризуются при помощи сравнений такие явления, которых француз в своем языковом обиходе иной раз просто не заметил бы: *дуется как мышь на крупу*; *носится как с писаной торбой*; *ревет белугой*; *мрачнее тучи*; *мягкий как пух*; *потный как мышь*; *седой как лунь*.

Сопоставление русских и французских сравнений, относящихся к одной и той же теме, позволяет уловить различия в языковой картине мира двух народов, увидеть отдельные явления окружающего мира глазами представи-

телей той или иной культуры, носителей различных языков. Например: *сухой как порох – sec comme un coup de trique* ‘сухой как удар дубиной’; *бояться как огня – craindre comme la peste* ‘бояться как чумы’; *тонкий как тростинка – mince comme un courant d’air* ‘тонкий как сквозняк’; *черный как смоль – noir comme encre* ‘черный как чернила’; *желтый как воск – jaune comme un citron* ‘желтый как лимон’.

Русские сравнения, построенные в форме высказывания вокруг глагола, переводятся на французский язык с введением союза *comme*: он и мухи не обидит – *timide comme une fille* ‘робкий как девочка’; он гоголем ходит – *fier comme un paon* ‘гордый как павлин’; днем с огнем не сыщешь – *rare comme un merle blanc* ‘редкий как белый дрозд’.

Французский язык, в свою очередь, знает много таких зооморфизмы, которые русским языком выражаются в самой общей форме, без сравнения, и своеобразие которых не запечатлено словесно и не замечается: *fumer comme un sapeur* ‘курить как сапер’; *pleurer comme un beau* ‘плакать как красавец’; *rire comme un bossu* ‘смеяться как горбун’; *souffler comme un phoque* ‘пыхтеть как тюлень’; *faux comme un jeton* ‘двуличный как жетон’; *fort comme un Turc* ‘сильный как турок’; *malade comme un chien* ‘больной как собака’;

Многие французские сравнения служат для усиления простых материальных определений, выраженных как качественными, так и относительными прилагательными и глаголами. Русский язык предпочитает просто называть подобные определения, а если и усиливает их, то чаще всего простым повторением, например, *длинный-предлинный, лопух – лопухом* и тому подобные.

Во французском языке немало сравнений, которые, будучи очень выразительными, не несут никакого метаобраза: *сидит как перчатка – va comme un gant* ‘сидит как перчатка’; *белый как полотно – blanc comme un linge*. В то же время есть и сравнения, построенные на более тонких ассоциациях: *верный как пес – fidele comme un caniche* ‘верный как пудель’; *худой как жердь – maigre comme un clou* ‘худой как гвоздь’; *глуп как пробка – bete comme un chou* ‘глуп как кочан капусты’; *глухой как горшок – sourd comme un pot* ‘глухой как горшок’.

В русском языке в зооморфизмах употребляются такие слова, как *волк, бабочка, стрекоза, мотылек, паук, бегемот, мышонок*, а их французские эквиваленты устойчивых образных значений не имеют. Так, русское слово *бегемот* метафорически обозначает человека безобразно толстого, неуклюжего, неповоротливого и является характеристикой более резкой и экспрессивной, чем близкая по смыслу характеристика *слон*. Французское *hippopotame* как устойчивая характеристика не употребляется, возможно, из-за значительной по сравнению с другими французскими словами и непривычной для французов длины этого слова – 4 слога. В то же время названия других животных – *lapin* ‘кролик’, *souris* ‘мышь’, *taupe* ‘крот’, *chateau* ‘верблюд’ – часто используются как характеристики во французском языке, их же русские эквиваленты лишь изредка употребляются для создания образа.

В то же время встречается немало и таких названий животных, которые несут характеристическую функцию во французском языке и не имеют ее в русском, например, уже упомянутое существительное *chameau* 'верблюд'. Во французском языке оно обозначает злобного, нехорошего человека. Русское *верблюд* не связано прочно с каким-то определенным признаком, хотя и несет в себе потенциально отрицательную экспрессию. Оказационально можно назвать верблюдом уродливого человека, например имеющего большой горб, а также того, кто плюется (на базе устойчивого сравнения *плюется как верблюд*). Но при отсутствии мотивировки в контексте или в ситуации это слово воспринимается как «пустая» характеристика

Л. А. Шабашева

О СУГГЕСТИВНОСТИ ТЕКСТОВ ГИ ДЕ МОПАССАНА

Импрессионистическое восприятие мира основывается, как известно, на явлении впечатления. Художники запечатлевают непосредственное впечатление от увиденного в природе: «Художник-импрессионист действует как ребенок, воспроизводя не объекты, а поглощающую их атмосферу, мерцание, движение, феерию света, соотнося на полотне чистые цвета солнечного спектра вместо смеси цветов на палитре» (Дж. Ревальд). Зрительный эффект в описаниях природного кадра они сознательно соотносят с чувствами, ведь «драма бурной природы столь похожа на драму жизни» (Л. Г. Андреев). Известно также, что комбинации цветов спектра имеют эмоциональные соответствия, например, радость – это желтый и красный; также радость может быть выражена движением линии и ее направлением вверх и направо; печаль, наоборот, – вниз и налево (Там же). Вследствие этого импрессионистические образы и сюжеты заставляют интенсивно работать воображение, вызывая эмоциональные переживания, открывают новое в миропонимании или обновляют старое, другими словами, обладают суггестивностью.

«Литературная энциклопедия» под ред. Н. Бродского определяет суггестивность как выражение известного настроения – мысли, так или иначе «окрашенной» (напр., чувством изумления). Суггестивно внушаются 9 настроений: любви, смеха, сострадания, гнева, мужества, страха, отвращения, откровения, спокойствия. Настроения, в свою очередь, «образуют эмоциональный фон для протекающих психических процессов» и связываются с эмоциональными состояниями, вызываемыми какими-либо объектами или явлениями (например, картинами или мелодиями). В таком случае говорят о настроении объекта (картины, мелодии).

Как и импрессионистическая живопись, тексты Ги де Мопассана обладают ярко выраженной суггестивностью, создавая эмоциональный фон/атмосферу для истории-повествования внушением соответствующих настроений и характеризуя общий тонус жизни и поведения героев, их основные ценности и личностные стороны, отношение к жизненным ситуациям.